

Советская власть и крестьянство в годы «военного коммунизма» (на материалах Ставропольского уезда Самарской губернии)

Аннотация. В статье автор рассматривает политические настроения крестьянства в годы «военного коммунизма» на материалах Ставропольского уезда Самарской губернии. Анализ взаимоотношений советской власти и крестьянства, реакции последнего на происходящие события и изменения в деревне показал, что экономическая политика государства, методы работы представителей советской власти, насильственное изменение вековых моральных норм привели к стихийной войне крестьян с новой властью в 1919–1922 гг. – от пассивного неподчинения до вооруженных массовых выступлений.

Ключевые слова: местные советы, крестьянство, комитеты бедноты, реквизиция продовольствия, продотряды, бандитизм, чапанное восстание.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

29 апреля 1919 г. из Москвы начал свое движение литературно-инструкторский поезд «Октябрьская революция», получивший в народе имя «Поезд товарища Калинина». Во главе агитационно-инструкторского состава находился председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин. Основная цель, как формулировал ее всесоюзный староста, заключалась в том, чтобы «непосредственно подойти к уезду, волости, трудящемуся народу, отдаленному от центра, и изучить его нужды, послушать голос самой жизни» [1]. Направление движения охватывало прифронтовые города Поволжья: Казань, Симбирск, Самару, Саратов, Пензу.

Особое внимание вызывало крестьянство, его отношение к происходящим изменениям, представителям власти на местах, политике государства. Из беседы с крестьянством уездов Самарской губернии было очевидно, что оно недовольно распределением земли, разорением и насильственным возвращением в общину хуторян, действиями комбедовцев, которые по собственной инициативе изымали у зажиточной части односельчан излишки земли, средства производства, скот и распределяли между беднотой [2]. Однако все негативные стороны происходивших перемен они связывали с деятельностью представителей местных органов власти. Проводимую политику центра в целом одобряли и надеялись, что их голос будет услышан.

Примерно до весны 1918 г. невмешательство власти в дела деревни было завуалировано. С введением продовольственной диктатуры в стране, созданием комитетов бедноты, продотрядов наступает период грубого вмешательства центра в жизнь деревни.

Советское государство стремилось проводить свою политику на местах руками наиболее обездоленной части крестьянства. В 1918 г. в Самарской губернии было создано около 2000 комитетов бедноты. В Ставропольском уезде – 14 волостных и 80 сельских комбедов [3]. И хотя они просуществовали с осени 1918 г. до весны 1919 г., комитеты были очень негативно восприняты местным населением.

Комитеты бедноты непосредственно подчинялись губернским и уездным продовольственным органам. Волостные советы обязаны были сотрудничать и координировать с ними свои действия [4]. Основным в деятельности комбедов стало проведение продовольственной диктатуры на местах: учет и изъятие излишков хлеба,

контроль за размолом зерна на мельницах, борьба с мешочничеством, спекуляцией, взимание чрезвычайного революционного налога [5]. Волостным комитетам предписывалось получить точные сведения и зорко следить, «чтобы ни один фунт излишков хлеба не мог быть продан из вашей деревни» [6].

Дублирование комитетами бедноты деятельности местных советов, а иногда и полная их ликвидация, неограниченная власть в распределении земли, продуктов, вызывавшие недовольство основной массы крестьянства, привели к их ликвидации. Но образ сельского активиста-бедняка надолго сформировался у крестьян: «Им бы только сладко есть, дольше спать, чисто одеваться. Такие бедняки только ждут, как бы им что-либо дали» [7].

Внешней силой, вызывавшей сопротивление крестьянства, стали продовольственные отряды, активизировавшие свою деятельность в уезде в январе 1919 г. [8] Координирование работы продотрядов осуществлялось по уездам опертройками, состоящими из председателя продсовещания, председателя уездной комиссии по дезертирству и начальника отряда. Им подчинялись районные тройки, строящиеся по такой же системе. Состав троек определялся задачами, которые они выполняли: борьба с дезертирством, самогоноварением, работа по реквизиции хлеба [9]. Они имели право арестовывать граждан и должностных лиц, не подчинявшихся распоряжениям о вывозе излишков продовольствия, принимать любые меры, которые будут признаны необходимыми, предавать кулаков и богатеев, скрывающих хлеб, ревтрибуналу, заключать их в тюрьму на срок не менее 10 лет, причем имущество кулаков подлежало конфискации и они изгонялись из сельскохозяйственных обществ. В случае оказания противодействия продотрядам разрешалось использовать вооруженную силу [10].

Председатель СНК В. И. Ленин определил действия продовольственных отрядов как «превосходный план массового движения с пулеметами для общего дела спасения от голода всех голодных» [11]. Тотальная монополия прежде всего давала возможность всецело действовать методами приказными, административными. Нет необходимости искать компромиссы, согласовывать интересы, т. е. прибегать к сложным, требующим высокого профессионализма методам гибкого управления.

После первой неудачной попытки, когда был выдвинут лозунг «Учти сам себя и сдавай излишки», наиболее эффективным методом было признано давление на беднейшее крестьянство. «Надави на бедняка – он заложит кулака» – такой метод был принят в проведении продразверстки в уезде. Имущество и скот, конфискованный у злостных укрывателей хлеба, подлежали распределению среди семей красноармейцев и беднейшего населения [12].

По данным Ставропольского уезда, в среднем на одну семью приходилась хлебная разверстка от 379 кг (Мусорская волость) до 536 кг (Федоровская волость). Крестьянство считало, и не без основания, что хлеба берут с них слишком много. В 1919 г. лишь некоторым уездам Самарской губернии удалось выполнить задания по продразверстке на 50% и лишь отдельным на 80% [13]. Продразверстка в Ставропольском уезде на октябрь 1920 г. по основным продуктам была выполнена на 25–40%. В связи с этим уисполком постановил произвести разверстку хлеба по более мощным хозяйствам в течение десяти часов.

С весны 1920 г. растет число вопросов относительно крестьянских хозяйств, регламентируемых продовольственными органами. Для осуществления централизованных планов засева создаются посевкомы, уездные чрезвычайные комиссии по запашке полей и использованию посевной площади. На местах регламентировалось право на размол зерна (только после выполнения трудгужповинности), провоз про-

дуктов. К осени 1920 г. в продразверстку были включены практически все виды сельскохозяйственной продукции, включая помимо хлеба яйца, мясо, капусту, сено и т. д.

Продовольственная диктатура, тяжелое экономическое положение в стране в сочетании с силовыми методами руководства деревней вызывали возмущение основной массы крестьянства. «Крестьянская война против помещиков в 1917 г. уступала по всем параметрам войне крестьян против Советской власти на рубеже 1920–1921 гг.» В 1919–1921 гг. крестьянские волнения в большинстве случаев были спровоцированы появлением продотрядов. Продотрядчики, не имея точных сведений о количестве хлеба, подлежащего реквизиции, стремились изъять его как можно в больших размерах. Сами формы работы продармейцев: самовольные обыски, насилие при изъятии продуктов – настраивали враждебно деревенских жителей.

Наиболее крупным выступлением, охватившим за три дня Ставропольский и Самарский уезды Самарской губернии, Сызранский и Сенгилеевский уезды Симбирской губернии, стало чапанное восстание. Первыми 2–3 марта 1919 г. начали бунтовать крестьяне в селе Новодевичье Сингилеевского уезда Симбирской губернии. На территории Ставропольского уезда мятеж распространился 5 марта 1919 г. В селе Ягодное Ставропольского уезда были избиты члены московского продотряда под командованием В. Д. Ольхова. Создав свой штаб, зачинщики восстания вместе с поддержавшими их крестьянами двинулись в Ставрополь. Восстание приняло невиданный размах. За одну неделю только в Ставропольском уезде крестьянскими волнениями было охвачено сорок населенных пунктов. В сообщениях с мест отмечалось: «Крестьяне озверели, кольями и ружьями, в одиночку и толпами лезут на пулемет» [14].

Однако в причинах восстания нельзя выделять только действия продотрядов и тяжелое экономическое положение деревни. Работа представителей из центра в местных органах власти, незаконные действия местных властей, проведение Декрета об отделении церкви от государства грубыми насильственными методами обостряли отношения между крестьянством и властью. Восставшие определяли свои действия как восстания православных христиан. Одним из первых распоряжений коменданта города А. В. Долинина являлся указ «о возвращении икон во все учреждения»: «гражданам по приходу в присутствии головной убор снимать, так как это есть первый долг христианина. Наша надежда не на оружие, а на Всевышнего господа Бога» [15].

В воззвании от 10 марта 1919 г. было заявлено, что «Советская власть остается на местах, советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные от населения лица, известные народу данной местности». Согласно приказу № 10 коменданта Ставрополя был сформирован Совдеп, в который вошли 42 представителя от кварталов, три представителя от Советов Союзов и один от Ягодинской волости. Был сформирован исполком из 19 членов во главе с председателем Плехотниковым. Высшим проявлением демократии для крестьянства стало введение самоуправления в лице квартальных старост [16].

Для подавления мятежа в Ставропольском уезде при Самарском губисполкоме был создан революционно-полевой штаб во главе с В. А. Тронинным и И. М. Шверденным. Ему была представлена вся полнота военной и гражданской власти в Ставропольском уезде, подчинены все действующие в пределах района воинские части. Подавлением восстания руководил М. В. Фрунзе. Повстанцы не могли противостоять регулярным частям Красной армии. 13 марта Ставрополь был взят.

Размах и сокрушительная сила крестьянского выступления против произвола представителей власти из центра запомнились надолго. В 1922 г. 32-летняя жительница с. Хрящёвка Екатерина Сергеева была арестована за высказывание на собрании мнения,

что продовольствие имеется, но не выдается населению. В обвинении говорилось: «Агитация против секретарей может вылиться в такие формы, как чапановка» [17].

Противники советской власти чувствовали ее экономическую и политическую слабость, поэтому верили в возможность ее уничтожения. 7 июля 1920 г. поп села Вишенки Утехин собрал верующих и перед ними открыто заявил: «Советская власть ненадолго, и с нею поступят, как было в 1905 г., и поп сельчанам нужнее, чем советская власть». Сельчане поддержали его, большинство подписалось под требованием выселения волисполкома из занятого им дома служителя церкви [18].

Наибольшее количество крестьянских возмущений по Ставропольскому уезду приходится на 1921 г. Не только разразившийся голод, но и предшествующие ему годы нестабильности молодого социалистического государства: частая смена власти в Ставропольском уезде, появление все новых и новых указов, налогов, поборов, крайне плохая информированность основной массы крестьянства – давали прекрасную возможность для создания панического настроения среди населения. Поэтому и после разрешения свободного товарообмена, ожидая возврата реквизиции, население продолжало продавать и обменивать продукты из-под полы, а потребители набрасывались на всякий продукт, появлявшийся на рынке, даже по высоким ценам, опасаясь, как бы запрет не был вновь введен. Особенно напряженное состояние уезда отмечалось в первой половине марта 1921 г. По уезду носились самые невероятные провокационные слухи: Самара накануне сдачи, Самара сдана, вокруг Самары роют окопы. И только после издания специального приказа об аресте распространителей ложных слухов и разъяснительной работы открытые выступления прекратились. С мая по ноябрь 1921 г. из 163 уголовных дел по Ставропольскому уезду 45 квалифицировались как контрреволюционная агитация, 32 – как бандитизм. Такое количество политических дел объясняется тем, что в голодные годы уничтожение скотины без особого на то разрешения, приобретавшее массовый характер, открытое проявление недовольства работой общественных столовых, уменьшением пайка рассматривались как агитация и действия против советской власти. Частые в этот период самовольные вскрытия общественных амбаров с государственным хлебом сопровождались иногда вооруженными столкновениями с продотрядами.

8 апреля в с. Васильевка Ставропольского уезда голодная толпа осуществила самовольный захват и раздачу хлеба. В мае 1921 г. в с. Пискалы голодной толпой был изъят государственный хлеб из общественного амбара. Сообщения подобного рода были типичными. Всего за 1921 г. на почве голода в уезде произошло 19 открытых выступлений крестьянства. В связи с таким положением Самарский губисполком 21 апреля 1921 г. постановил «принять решительные меры к охране общественных амбаров с государственным хлебом и сурово карать разграбление хлеба, а также внеплановые выдачи местным организациям без нарядов» [19].

Крестьянство связывало причины наступившего голода не только с неблагоприятными погодными условиями, но и с проводимой государством продовольственной политикой, и прежде всего с конкретными лицами, реквизирующими хлеб. (В Самарской губернии проведение основных мероприятий нэпа в связи с голодом было отсрочено: сохранялась практика реквизиций, натуральный налог был средством обеспечения всего населения продовольствием, активизации торговли не наблюдалось.)

В августе 1921 г. в с. Хрящевка вооруженная толпа сельчан напала на секретаря комячейки, считая его виноватым в отсутствии хлеба. 8 июля 1921 г. «гражданин Благовещенского Сускана Куликов Филипп Кузьмич пришел в сельсовет и после появления Семкина высказался, что вот еще грабитель явился, “убить бы их всех” и наставил

свой палец Семкину прямо в глаз и говорит: сразу вас не надо бить, а нужно глаз сперва вытащить. Если бы не вы, коммунисты, у меня пшеницу не нашли бы».

Но не только в открытых вооруженных конфликтах происходило противостояние доведенного до отчаяния крестьянства новому государству. Многие из них свое отрицательное отношение к мероприятиям советской власти выражали в пассивной форме: не выполняли распоряжения и постановления сельсоветов, представителей из уезда, губернии, отказывались платить различные виды местных налогов, находя для этого объективные причины. Государственные повинности, прежде всего хлебная, трудовая, гужевая и многие другие, восстанавливали общность интересов всего крестьянства перед грабительской политикой государства.

Спокойствие уезда нарушали появившиеся бандиты и безнаказанно действующие уголовники. «В ночь с 20–21 июня 1921 г. в Ново-Бинарадской волости вооруженные бандиты, 7 человек, произвели налет на 2 дома и ограбили». «20–21 августа около с. Хрящевка в пчельнике Митрофана Соколова было ограбление – мед и мука вооруженной бандой из 3 человек» и т. п. Самарский губисполком отмечал: «Усиливающийся бандитизм, ограбление общественных амбаров, складов, учащающиеся случаи злоупотребления со стороны разных преступных лиц и учреждений стали обычным повседневным явлением». Летом – осенью 1921 г. в Ставропольском уезде действовали банды Митрофана Соколова в селе Хрящевка, Ульянина в Новобуянской волости, шайка Егорова в селе Ягодное, Данилова в селе Матюшкино. Члены банд считали себя не уголовниками, а освободителями, защитниками крестьян. «Мы против большевиков. Большевики не знают, из чего растет хлеб, и думают, что десятина яйца несёт. Мы защищаем крестьян от коммунистов, которые грабят их», – разъясняли местному населению руководители вооружённых групп [20].

В июне 1921 г. уисполкомом в Ставропольском уезде было введено военное положение в связи с деятельностью банды Осянкина, которая парализовала работу Ставропольской милиции. Вернувшись с фронта домой, красноармеец Иван Павлович Осянкин организует банду в количестве 30 человек из граждан села Пискалы Мусорской волости Ставропольского уезда. В ее составе находился Евгений Иванович Дуцман, ранее служивший в Красной армии на командной должности. Оба разыскивались как дезертиры. Действовали они в Мусорской, Федоровской, Ягодинской волостях. Вооруженные действия бандитов были направлены на разграбление продовольствия, в основном с мельниц, складов, амбаров при волисполкомах. Всего в декабре было зафиксировано 19 нападений, в результате которых бандиты изъяли 623 п. продовольствия, а также 13 лошадей и 15 овец. Только «объединенными силами милиции и отряда Губчека, отряда коммунистов, в районе с. Кирилловка Ташелской волости 23 июля 1921 г. банда была уничтожена» [21].

Деятельность банд парализовала работу милиции в уездах, так как все силы приходилось направлять на борьбу с «нарушителями спокойствия» граждан. Малочисленная, не имеющая опыта работы, не пользующаяся поддержкой местного населения рабоче-крестьянская милиция не могла собственными силами противостоять волне беззакония и насилия, поднявшейся в уезде. Например, в Ставропольском уезде Самарской губернии на заволжский район, состоявший из 5 волостей, включавший 31 населенный пункт с населением 428 555 человек, приходился один начальник, один помощник, 23 милиционера (18 из которых были младшие), один конторщик, один регистратор и один сторож, т. е. приходилось менее чем по одному милиционеру на населенный пункт.

Анализируя сохранившиеся протоколы дознаний, отчеты донесения милиции, можно сделать вывод, что банды, сформированные из крестьян, чаще односельчан или родственников, не вызывали явно враждебного отношения со стороны местного населения. Количество дел, обнаруженных в архиве, об укрывательстве бандитов приблизительно равно количеству дел о бандитизме. Параллельно с его ростом увеличивалось число случаев негативного отношения населения к командированным работникам из губмилиции. Заведующий Самарским губотделом управления отмечал: «Имеются случаи пренебрежительного и даже враждебного отношения к командированным работникам, чем пользуется преступный элемент, благодаря чему не представляется возможным наладить четкую планомерную борьбу с разрухой вообще, бандитизмом и всякого рода преступлениями в частности» [22].

31 марта 1921 г. Президиум ВЦИК издает «Постановление по докладу Комиссии по борьбе с бандитизмом». В нем намечаются основные направления работы. Признавая наличие поддержки членов банд местным населением, ВЦИК рекомендовал выработать инструкции для советских учреждений о методах борьбы с бандитизмом. Для привлечения населения этих местностей на свою сторону предлагалось упорядочить гужевую, трудовую повинности, «которые во многих местах являлись поводом для сочувствия бандитам» [23].

В феврале 1922 г. по уездам Самарской губернии создаются тройки по борьбе с бандитизмом [24]. Для установления социалистической законности в деревне милиция вербует агентов, в апреле 1922 г. в селах вводится самоохрана из мужского населения в возрасте 18–50 лет. Не отказывалась власть от использования метода круговой поруки в деле установления социалистической законности.

С 1 по 5 декабря 1922 г. в Ставропольском уезде из зафиксированных уголовных дел наибольшее количество составили кражи – 179, далее случаи конокрадства, ставшие бичом крестьянства, – 40, уголовных дел поступило 20, трупоедство – 15, было задержано бандитов 11 человек, дезертиров – 16. За расхищение семенного зерна и неправильное распределение детских пайков служащими было заведено 11 дел [25]. Если в 1921 г. органы милиции более всего волновали контрреволюция и дискредитация Советской власти, в 1922 г. – бандитизм, то в 1923 г. – конокрадство и преступления по должности. Рост последних наблюдается с 1921 г.

Прежние моральные устои, традиции, веками складывавшиеся в деревне, стремительно разрушались. На новой социально-духовной основе формировалось отношение человека к своей жизни, к жизни другого, к государству и его законам. Различные формы противостояния крестьянства государству – от пассивного неподчинения до вооруженных массовых выступлений – являлись отражением не только тяжелого экономического положения в стране, но и нестабильности молодого социалистического общества. Таким образом, было положено начало неограниченной диктатуре центральных органов власти по отношению к деревне.

Ссылки на источники

1. СОГАСПИ. – Ф. 3500. – Оп. 1. – Д. 282. – Л. 119.
2. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 13. – Д. 34. – Л. 4.
3. Медведев Е. И. Гражданская война в среднем Поволжье 1918–1919 гг. – Куйбышев, 1964. – С. 416.
4. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 234.
5. Декреты Советской власти. – Т. 3. – М., 1989. – С. 465.
6. ГАУО. – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 17. – Л. 25.
7. РГАЭ. – Ф. 396. – Оп. 3. – Д. 535. – Л. 18.
8. СОГАСПИ. – Ф. 651. – Оп. 5. – Д. 191. – Л. 3.
9. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 11.

10. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 57; СОГАСПИ. – Ф. 551. – Оп. 5. – Д. 191. – Л. 13.
11. ГАРФ. – Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 709. – Л. 14.
12. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 227. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 201.
13. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 225. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 33.
14. Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. – 1926. – № 2. – С. 41.
15. СОГАСПИ. – Ф. 3500. – Оп. 1. – Д. 293. – Л. 45, 50.
16. СОГАСПИ. – Ф. 3500. – Оп. 1. – Д. 293. – Л. 48.
17. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 43.
18. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 227. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 384.
19. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 1.
20. СОГАСПИ. – Ф. 651. – Оп. 5. – Д. 183. – Л. 15.
21. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 74, 110–114.
22. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 32.
23. Декреты Советской власти. – Т. 13. – М., 1989. – С. 514.
24. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 227. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 51.
25. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти. – Ф. 354. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 163.

Olga Vescheva,

Candidate of Historical Sciences, Associate professor at the chair of history and philosophy, Togliatti State University, Togliatti

hist_tgu@tlttsu.ru

Soviet power and peasantry at the years of «military communism» (based on the data of Stavropol district, the Samara Region)

Abstract. The author considers the political moods of peasantry at the years of «military communism». The analysis of the relations between soviet authorities and peasantry, reactions of peasantry on occurring events and changes in village has shown that economic policy of the State, methods of soviet authorities, forcible change of the ancient moral rates have brought the war of peasants and the new power in 1919–1922-es.

Key words: local councils, peasantry, committees of poverty, requisition of provisions, banditry, rebellion.

References

1. SOGASPI, f. 3500, op. 1, d. 282, l. 119 (in Russian).
2. RGAJe, f. 478, op. 13, d. 34, l. 4 (in Russian).
3. Medvedev, E.I. (1964) *Grazhdanskaja vojna v srednem Povolzh'e 1918–1919 gg.*, Kujbyshev, p. 416 (in Russian).
4. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 136, op. 1, d. 5, l. 234 (in Russian).
5. (1989) *Dekrety Sovetskoj vlasti*, vol. 3, Moscow, p. 465 (in Russian).
6. GAUO, f. 200, op. 2, d. 17, l. 25 (in Russian).
7. RGAJe, f. 396, op. 3, d. 535, l. 18 (in Russian).
8. SOGASPI, f. 651, op. 5, d. 191, l. 3 (in Russian).
9. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 7, op. 1, d. 1, l. 11 (in Russian).
10. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 86, op. 1, d. 60, l. 57; SOGASPI, f. 551, op. 5, d. 191, l. 13 (in Russian).
11. GARF, f. 130, op. 2, d. 709, l. 14 (in Russian).
12. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 227, op. 1, d. 33, l. 201 (in Russian).
13. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 225, op. 2, d. 7, l. 33 (in Russian).
14. Kubanin, M. (1926) "Antisovetskoe krest'janskoe dvizhenie v gody grazhdanskoj vojny (voennogo kommunizma)", *Na agrarnom fronte*, № 2, p. 41 (in Russian).
15. SOGASPI, f. 3500, op. 1, d. 293, l. 45, 50 (in Russian).
16. SOGASPI, f. 3500, op. 1, d. 293, l. 48 (in Russian).
17. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 107, op. 1, d. 26, l. 43 (in Russian).
18. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 227, op. 1, d. 33, l. 384 (in Russian).
19. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 83, op. 1, d. 14, l. 1 (in Russian).
20. SOGASPI, f. 651, op. 5, d. 183, l. 15 (in Russian).
21. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 137, op. 1, d. 31, l. 74, 110–114 (in Russian).
22. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 137, op. 1, d. 31, l. 32 (in Russian).
23. (1989) *Dekrety Sovetskoj vlasti*, vol. 3, p. 514 (in Russian).
24. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti*, f. 227, op. 1, d. 11, l. 51 (in Russian).

25. Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti, f. 354, op. 1, d. 38, l. 16 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»